

18. X. 59.

"Романтическая проза"

Осень в Вёшках

Вечер на переправе

Вёшки. Так по-своему корстко и ласково называют казаки свою станицу. Стоит она над самым Доном. По утрам казачки прямо в воду сгоняют с базы белых уток. Вдоль берега вереница лодок, песчаная отмель усеяна птичьими перьями и листьями лозника. Если глянуть с другого берега, то кажется: шли по степи толпою белые домики, а у реки остановились, рассыпались цепью и вот стоят завороженные, глядят и не наглядятся на тихую воду.

Сейчас осень. Вода потемнела, погустела, кажется, от первых холодов. Октябрь жжет костры по берегам, будто хочет согреть озябшую воду. Желтым и красным огнем полыхают вязы и клены в пойме, столетние вербы сыплют в реку желтые листья.

Осень. Ухают на красной заре выстрелы в пойменных чащах, торопливыми и беспокойными табунами мечутся перед дальней дорогой скворцы, прощально и трогательно кричат пароход на перекате, в предчувствии морозов зябко дрожит зеленый огонек бакена...

На переправе вереница автомобилей. Незлобиво поругиваются из-за очереди шофера. Одна-единственная телега среди машин. Нельзя не улыбнуться, глядя, как шофера, не сорвавшись, пропустили лошадь на переправу. Давно ли тут, на отмели, поили коней казачьи сотни, а сейчас — одна лошадь. Вежливо, как старухе, машины уступают ей дорогу.

Шолохов умеет рассказывать, умеет и слушать.

— Откуда такая прорва автомобилей? — кричит какой-то нетерпеливый казачина.

— Ты что, с луны свалился, аль не слыхал, что ярмарка завтра?

Морозным снегом скрипит капуста в кузовах, сдержанно череговариваются запертые в решетчатых ящиках гуси. Из соседнего кузова чубатый парень протягивает холодный, как лед, ломоть арбуза. Едим, далеко в воду швыряя тугие корки.

— Неужели из самой Москвы к нам? — спрашивает парень, разглядывая зеленые и красные круги на воде. — А когда Никита Сергеевич гостили, тоже были?

Получив утвердительный ответ, парень отложил арбуз.

— А правда, будто товарищ Хрущев сказал, что отыскать теперь только к нам будет ездить? Хорошо ведь в Вёшках, а? А как американцы насчет мира? По-разному?..

Парень на минуту умолк. Потом вдруг выпростал из кармана пиджака пустой рукав:

— Пороху не нюхали, вот и «по-разному». Осколком бомбы садапуло, когда еще мальчишкой был. У нас тут на Дону земля с небом мешалась. Вёшки в угольях лежали... Да что говорить, одной рукой задушил всех, кто шебуршил насчет войны. Правильно им там Никита Сергеевич сказал: давайте, говорят, упим бомбы... Умом, видно, отошли люди, если кто против этих слов идет...

С шумом над самой водой пронеслась утиная стая, сонно плеснула рыба у моста, хрупкой льдиной показался над темными вербами месяц.

— А что, там у них виден сейчас месяц? — помолчав, спросил парень.

— Пошел, пошел, не задерживай! — закричали с переправы.

Наша машина, вздрагивая на зыбком понтонном мосту, двинулась к вёшенским огням.

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

Алюминиевый репродуктор на вёшенской площади отсчитывает гулкие удары полночных часов, но в райкоме еще горит свет.

— Какими судьбами? — вышел навстречу знакомый секретарь.

— Какие новости? — спросил я в свою очередь.

— Новости? — Петр Васильевич провел рукой по усталому лицу, улыбнулся. — Свежему глазу видней. Пойди по станице, посмотри: казаки — люди говорливые, а потом заходи.

«Сельские новости», — записал я в блокнот. — «Прожить в станице два дня, рассказать все, что увидел». С этим и уснул, попросив старую казачку в Доме колхозника разбудить на рассвете...

Туман. Горланят петухи. На соседнем с гостиницей базу звонко поет ведерко под молочными струями. Вёшенские домики еще спят, укутавшись с крышами желтеющей шалью кленов. Иду к реке. Впереди в тумане маячит мужская фигура. Слышно, как громко хлопают тяжелые сапоги по лужам. Знакомимся. Молодой милиционер Афанасий Мельников явно смущен вопросом:

— Новости? Гм... Да ведь кому что. Дружок мой сказал, что в пойме вальдшнепы объявились, и убил будто восемь штук за раз. Иду вот с ружьем проверить, не брешет ли? Новостями я и сам интересуюсь. Заглянем-ка к рыбакам.

— Дед Дмитрий, а ну покажь...

Продубленный водой и солнцем рыбак с явным удовольствием толкнул тяжелую корзину ногой. На мокрую от тумана траву серебряными лопатами скользнули еще живые лещи.

— Пошел, значит, чебак?

— Пошел, — ответил дед Дмитрий и стал кидать в корзину серебряные лопаты.

К пристани одна за другой подходили лодки. Не спавшие ночь рыбаки присаживались на поваленную у самого берега вербу, смахивали с жесткой одежды снежинки чешуи. Молча курили, наблюдая, как уносят тяжелые корзинки с рыбой. В этом сдержанном молчании была особая торжественность, которую не хотелось нарушать расспросами.

Подошел председатель рыбколхоза Степан Мельников. Тоже помолчал, потом взвесил на ладони одну рыбину:

— Пошел, значит...

— Пошел.

Было видно, что этого слова ждали на берегу... На завтрак в чайной уже подавали свежую рыбку.

Сельская чайная — перекресток дорог и новостей. Я оказался за столом с тремя очень занятыми людьми. Отдвинув в сторону оставшие щи, они развернули изрисованную значками карту.

— Садоводы?

— Да, — принялись за щи трое озабоченных людей. — Мы из Ростова. Синий, Бережной, Богдан. Из сельскохозяйственного института...

«Дорогие казаки... у вас маловато садов», — вспомнил я слова Н. С. Хрущева, сказанные на площади, которая виднелась сейчас из окна чайной.

— Реагируете на критику?

— А как же? — улыбнулись трое. — Садов в этих местах ведь действительно очень мало. Загляните сегодня на ярмарку — ни одного яблочка.

Война повыкорчевала донские сады... Ничего, новые сады будут. Вот взгляните на карту. Этой осенью в Вёшках полты...

сячи гектаров колхозы за-кладывают. А за семилетку — в четыре раза больше. Представляете, а? Да, работа уже вовсю...

В полдень я снова заглянул в райком.

— Добирался вчера как, на машине? — спросил секретарь. — Долгая от нас до-рога к станице, грязная, непроходимая... Вот новость, если хотите: получил бу-магу. Новую дорогу будем строить, ка-менную, а может быть, даже и асфаль-том прикроем. Еще новости? Изволь. Вызывают вот на совещание в Ростов. Большую электростанцию будем закла-дывать. Да, специально для Вёшек, для окрестных хуторов... Ну как? Да, еще: звонил сейчас человек, просился зайти, только что из Франции. Сорок лет не был в Вёшках. Мальчиком уехал. Фамилия Моисеев, зовут Петром. Ну и на-последок записывай, — засмеялся секре-тарь, — новый дьякон в нашей церкви. Сегодня первая служба. Голосице, говорят, как у Ильи-пророка. Ну, думаю, се-годня слушать его не пойдут даже ста-рухи. Приходи нынче в клуб. Главная новость будет там...

К вечеру вся станица знала, что в клубе будет сразу два фильма: о пребыва-нии Н. С. Хрущева в Вёшенской и о визите в Америку.

...В зале не хватило мест. Люди стоят вдоль стен, в дверях. Гляжу на лица. Многих видел сегодня днем. Вон рыбак Дмитрий Евгеньевич Козлов с сыном и всеми домочадцами. Вон милиционер-охотник, секретарь райкома, ростовские садоводы. Вон счастливый отец Степан Выпрыжкин, который сегодня в родильном доме хвалился мне сыном: «Три шестьсот весит». Вон Николай Зюзин и Шура Пономарева — я видел их в засге. А это, с погончиками на плаще, наверное, тот самый человек из Франции... Полный зал. Я помню, как тепло у этого клуба казаки встречали дорогого гостя. «Из Вёшек», — уверяют они, — начался визит в Америку».

Гаснет свет... Дон. Светлое синее небо. Белый самолет. Никита Сергеевич Хрущев с поднятой над головой шляпой. Шолохов и Хрущев обнимаются... Машина с дорогим гостем на вёшенских улицах.

Сейчас многие узнают себя на экране. Оживление, радостный шепот...

Америка. Аплодисменты на экране, аплодисменты в зале. Чей-то восторженный взгляд: «Правильно!..»

После сеанса я не стал расспраши-вать медленно расходившихся оживлен-ных людей, что они думают о визите. Всё и так было ясно. Вспомнились слова пар-тии на переправе: «Правильно им там сказал Хрущев. Утопить надо бомбами»...

Над Доном опять всплыла льдинка месяца, на другом берегу кто-то пел ти-хим голосом, на пристани трещали мото-ры — рыбаки на ночной лов пошли. Ти-хие звезды зажигались над станицей.

— Гляди-ка, — услышал я голос сза-ди, — у Шолохова огонь. Стало быть, уже вернулся в Вёшки.

У Шолохова

Писательские дела задержали Шолохова в Москве, и он действительно только накануне вечером вернулся в станицу. Утром мне позвонили из его дома:

— Михаил Александрович ждет вас. Знакомая калитка. Знакомый двор. Возле вон того крылечка Хрущев и Шолохов сфотографировались на память.

Просторный коридор. На вешалке пиджак, плащ, охотничья куртка. Ласко-вая охотничья собака трется об ногу.

— Проходи, проходи. — Михаил Александрович обнимает сзади за плечи.

Рабочая комната. Почти весь пол за-нимает большая медведя шкура — то ли охотничий трофея писателя, то ли по-дарок. В углу стол, заваленный стопками писем.

У Шолохова добрые, внимательные глаза. Он рассматривает привезенные ему в подарок фотографии, вспоминает путешествие за океан.

— Да, визит Никиты Сергеевича был очень успешным и полезным. Написать о поездках? И рад бы, да ведь вы знаете, у меня все должно отлежаться. Люблю газету, но не взыщице...

Михаил Александрович работает над последними главами «Поднятой целины». Коротко он рассказывает содержание книги, прослеживает известную пока только ему одному судьбу героев: Лушки, Давыдова...

— Работаю одновременно над не-сколькими главами. Одна мне особенно по душе. Пишу с радостью. Глава эта — о преданной и чистой, как родник, любви. Вам, молодым, важно будет прочесть это место в книге. На земле надо жить с хо-рошой и большой любовью...

Незаметно пролетел час в шолохов-ском доме. На прощание Михаил Александрович достает с полки книгу, делает надпись.

— Это на память редакции. А всем, кто читает вашу газету, от меня поклон...

* * *

Хорошая, тихая осень стоит над До-ном. Осень большой работы, больших человеческих радостей. Все простые лю-ди на земле называли нынешнюю осень весной больших надежд. Пусть сбудутся надежды простых людей земли, всех, кто пашет землю, кует железо и ловит рыбу, кто радуется тишине на ре-ке, кто любит песни, кто понимает, что люди на земле должны знать хорошую большую любовь.

В. ПЕСКОВ.
(Наш спец. корр.)

Станица Вёшенская.

Фото автора.